

Глава 27. Мы не позволяем какому-то Тому, Дику или Гарри платить за нас!

- Молодой человек, позвольте мне представиться. Меня зовут Чэнь Гуаньсюн!

- Э, привет... - Лу Юань в оцепенении встал.

Он не знал, кем был этот человек.

- Чэнь, Чэнь... Учитель Чэнь. Привет, привет... - на лице у Толстяка Вэя было испуганное выражение.

Он почувствовал потрясение в своём сердце.

Чэнь Гуаньсюн был профессиональным музыкантом.

В то же время он был одним из самых известных композиторов в индустрии.

В индустрии всегда было предложение, в котором говорилось: «Лирика от Лин Ю, мелодия от Гуаньсюн, танец от Ян Пина и флейта от Чжао Коу...»

Из этого предложения можно было увидеть, насколько уважаемым был статус Чэнь Гуаньсюна в музыкальной индустрии, и что второстепенный персонаж, такой как Лу Юань, не мог знать его.

Хотя Лу Юань не знал, кем был этот человек, по взглядам окружающих он мог сказать, что статус этого человека был необычным.

Он мог бы быть каким-нибудь крупным персонажем.

- Мн, молодой человек. Тогда я оставил тебе свой номер. Разве тебе его не передали на стойке регистрации? - Чэнь Гуаньсюн сначала кивнул Толстяку Вэю, что можно было счесть приветствием. После этого его взгляд упал на Лу Юаня, который встал с таким выражением, как будто он совершенно не понимал, что только что произошло.

- А... это... я думаю, что они сделали. Вы тот, кто угощал меня кофе в прошлый раз? - у этого старика Чэнь Гуаньсюн была очень сильная аура. На мгновение, когда старик впервые прибыл, Лу Юань ничего не помнил о числе. Но, взглянув на вопросительный взгляд старика, он сразу понял.

Тогда, после того, как он впервые встретил Ван Цзиньсюэ, кто-то угостил его кофе и оставил после себя ряд цифр.

Это был этот парень?

- Итак, ты вспомнил. В таком случае, почему ты мне не позвонил?

- Я... забыл об этом, - Лу Юань почувствовал себя немного неловко.

- Ты уже выбросил его, верно?

- Нет, как такое возможно! Я не такой человек! - взгляд Лу Юаня скользнул в сторону, он почувствовал укол лёгкой вины в своём сердце. Однако его голос был чрезвычайно сдержанным!

Лу Юань не выбросил его. Он сунул его в карман, но забыл вынуть его, прежде чем пошел мыть штаны. После этого, учитывая влияние вложений в 1 миллион долларов, он, естественно, забыл об этом.

- Ты должен знать, кто я, верно? - Чэнь Гуаньсюн чувствовал себя так, как будто Лу Юань понятия не имел, кто он такой.

«Это ведь невозможно, правда?»

«Как он может меня не знать?»

- Нет, я вас знаю, - Лу Юань сначала хотел сказать, что не знает, но Толстяк Вэй молча потянул его и бросил на него взгляд. Он понял мгновение спустя.

Казалось, что статус этого старика был необычным. Если он сказал, что не знает этого старика, тогда ...

Он обидел бы старика, потому что заставил его потерять лицо?

- Тогда тебе следует знать, что я недавно был в Хэндяне, верно?

- Я знаю... - Лу Юань продолжал лицемерно кивать.

- Ты знал? Если ты знал об этом, почему ты меня не искал?

- А? Это ... в последнее время я был немного занят... - Лу Юань почти не знал, что сказать.

Жирный Вэй проглотил слюну. Из-за этой сцены он не мог описать свои эмоции. Он хотел знать, как такой известный композитор познакомился с Лу Юанем. Но насколько это было раздражающим? Как мог Лу Юань не знать Чэнь Гуаньсюн?

Что касается Шэнь Ляньцзе, он глубоко вздохнул. Именитый режиссёр [Столицы] всегда был в центре внимания, собирая сотни ответов на один-единственный его звонок. Когда он когда-нибудь был таким? Оттеснённым в сторону, как простой последователь?

Естественно, сейчас он не обращал на это внимания. Он чувствовал непостижимым всё, что происходило перед его глазами.

Б*я!

«Кто именно этот Лу Юань? Почему он мог знать такого персонажа, как Чэнь Гуаньсюн?»

«Непостижимо, это было чертовски непостижимо!»

Чэнь Гуаньсюн, казалось, был очень увлечён встречей с Лу Юанем и даже взял на себя инициативу, чтобы ворчать, что Лу Юань не пошёл его искать.

Что это значило?

Шэнь Ляньцзе поклялся, что никогда раньше не видел Учителя Чэнь Гуаньсюн с таким страстным взглядом, не говоря уже о том, чтобы проявлять такую страсть к неизвестному человеку, как Лу Юань.

«Подождите минуту!»

Прямо сейчас, что имел в виду Лу Юань, сделав смущённое выражение лица? В этом выражении был даже легкий намёк на вину?

Б*я!

Он был таким хорошим актёром!

Что касается женщины рядом с Шэнь Ляньцзе, Лю Тинтин, её рот был широко открыт, на её лице было ошеломлённое выражение.

С тех пор, как она пришла раньше, она никогда не сосредотачивала своё внимание на Лу Юане. С самого начала она чувствовала, что Лу Юань был второстепенным персонажем.

В конце концов, он был одет крайне обыкновенно. Хотя его внешность стоила второго взгляда, его нельзя было считать красивым, как эти невероятно ослепительные существа. Кроме того, от него пахло сигаретой, и, похоже, у него не было никаких сильных сторон. Он просто казался обычным человеком.

Но сейчас...

В её голове внезапно возникла поговорка.

Притворись свиньёй, чтобы съесть тигра!

Воистину притворился свиньёй, чтобы съесть тигра!

- Я слышал, что твоя [Für Elise] войдёт в учебную программу по классу фортепиано во всех университетах и колледжах?

- Мн... верно. Я подписал соглашение несколько дней назад... - Лу Юань кивнул.

- О, суждение старого Чжэна неплохое. На этот раз ему удалось подобрать сокровище. О, кстати, я тоже видел твоё видео в Интернете.

- А? Видео? Какое видео?

- То, где ты играл [Old Boy].

- Э-э-э...

- У тебя очень хороший голос. Он довольно густой и хриплый. Но были и недостатки, когда ты играл на гитаре. В вибрато было восемь мест, и они повлияли на общее впечатление от звука.

- Я просто баловался, пел по настроению...

- Тексты и мелодия были так хорошо написаны, как это может быть просто баловством? - Чэнь Гуаньсюн нахмурился. На его лице было видно несчастье.

- В ту ночь я был пьян и делал много странных вещей. Вообще-то ... я не такой уж хороший, - Лу Юань немного смутился, говоря с некоторым лицемерием.

- Молодым людям хорошо быть смиренными, но излишнее смирение приведет к тому, что ты станешь лицемером. Не люблю лицемеров ... Признайся, раз ты хороший. Если ты плохой, значит ты плохой. Как может быть столько ерунды? - когда он увидел смущённое отношение

Лу Юаня, нахмуренное лицо Чэнь Гуансюна нахмурилось ещё сильнее.

- ... - рот Лу Юаня был широко открыт. Он обнаружил, что после того, как его аура была подавлена этим стариком, он не знал, что сказать, чтобы справиться с ним.

Атмосфера стала крайне неловкой.

Лу Юань выглядел так, как будто он вернулся в прошлое.

Старейшина ругал его, но он не мог найти никакого способа опровергнуть это.

Он чувствовал, что вся ситуация не находится под контролем.

Это чувство... сделало его очень несчастным.

- Ладно-ладно. Я пришёл сюда не ругать тебя. Я пришёл сюда, потому что хотел поговорить о [Old Boy].

- Чтобы поговорить об этой песне?

- Да, хорошую песню нельзя тратить зря. Тебе следует пойти и записать его полную версию.

- Запиши сингл. Несколько месяцев назад кто-то попросил меня помочь написать песню к фильму. У меня не было никакого вдохновения, пока я не услышал [Old Boy]. Я считаю, что [Old Boy] очень подходит; следовательно, я рекомендовал это для него. Он тоже был очень доволен, но попросил меня сначала прийти к тебе, - Чэнь Гуансюн посмотрел на Лу Юаня, раскрывая причину своего визита.

- Итак, вы пришли сюда, чтобы действовать как... - Лу Юань чуть не произнёс слова «действовать как сутенер». Но внезапно он почувствовал, что эти слова не слишком изящны.

- Мн, я пришёл сюда, чтобы заменить этого юниора, чтобы попросить у тебя право на песню.

- А, интересно, как называется этот фильм...?

- О, [станция метро], - Чэнь Гуансюн посмотрел на Лу Юаня с очень серьёзным выражением лица.

- А? Этот литературный фильм с инвестициями в 50 миллионов долларов? - Толстяк Вэй холодно вздохнул.

- Знаменитый режиссер Чжан Дун! - глаза Шэнь Ляньцзе также были широко открыты, его челюсти отвисли.

- Верно!

«...»

.....

Иногда нельзя сравнивать одного человека с другим.

У Толстяка Вэй было сложное выражение в глазах. Фактически, он даже чувствовал, что всё это общество стало сложным.

Его комплекс неполноценности нарастал, и Толстяк Вэй никогда не чувствовал себя так, даже когда он был рядом Шэнь Ляньцзе.

Внешний вид Шэнь Ляньцзе, его стиль разговора и позирование могли подавить Толстяка Вэя.

Тем не менее, все эти качества были чрезвычайно вульгарными в глазах Толстяка Вэя.

Однако сегодня появление Лу Юаня позволило ему понять термины «действовать как свинья, чтобы съесть тигра», «подавление талантов» и «высшее царство позёрства».

Позёрство, чтобы вести себя круто без всяких рифм и причин?

- Мн, как насчёт этого? Если вы освободитесь на этой неделе, я отправлю младшего Чжана в студию звукозаписи, чтобы увидеть эффект.

- Мн... Тогда ладно!

- Это мой номер. Не потеряй его на этот раз!

- О, определённо нет, определённо нет. Я сохраню это. Я обязательно сохраню то, что даёт мне старейшина, - Лу Юань продолжал лицемерно улыбаться.

Это была чёртова актёрская игра.

- Хорошо. Я уйду первым. Официантка, счёт!

- Ах, учитель Чэнь, как я могу позволить вам оплатить счет? Позвольте мне сделать это, позвольте мне сделать это ... Раньше я сказал им, чтобы они поместили то, что они заказали, на мой счёт.

- Мн? Ты с ними знаком?

- Да, да... - Шэнь Ляньцзе поспешно кивнул, выглядя несравненно испуганным. Куда делось всё прежнее позёрство?

- Кто ты? Я не знаю тебя... Мы никогда не позволим Тому, Дику или Гарри оплачивать за нас счёт. Ты не квалифицирован! - в этот момент Толстяк Вэй выделился и властно посмотрел на Шэнь Ляньцзе, как лиса, использующая силу тигра.

У него было ощущение, что он только что занял положение власти.

- Ты... - выражение лица Шэнь Ляньцзе изменилось. Его лицо так покраснело от гнева, что стало цвета свиной печени.

Том, Дик или Гарри?

«Что ты имеешь в виду!»